

Тамара БУШКОВА

г. Прокопьевск

Улыбаются ль собаки?

Варвару Васильевну глубоко огорчало отношение к ним многих людей.

*Судьба таких бродяжек нелегка:
Не повезло беднягам с экстерьером,
Ведь люди смотрят свысока
И обзаваются породистым терьером.*

*Для меньших братьев мы не боги,
А просто самозванные цари.*

В. Шефнер

Вот уже более тридцати лет Варвара Васильевна слыла в своём дворе большой любительницей собак. Её часто видели в окружении разномастных бродяжек, которым она раздавала угощения, а две-три из них иногда дежурили у её подъезда. Не удивлялись, когда она серьёзно утверждала, что собаки улыбаются умеют

Что поделаешь, возраст! Правда, члены неформального дворового кружка владельцев собак, к которому и она принадлежала, говорили:

– Ну это уж слишком, Васильевна!

Но ведь видела, видела собачьи улыбки! И не раз!

*А улыбаются ль собаки?
Нет, я не в шутку, я – всерьёз!
Лукаво ли, как озорные забияки,
Загадочно, как от собачьих грёз? –*

писала Варвара Васильевна в одном из своих стихотворений. Казалось бы, откуда у них причины для улыбок?

Может, в благодарность за людскую доброту?

– Любите собачек, Васильевна? – кто одобрительно, а кто проницески спрашивали её.

– А как же, люблю! Я же собачница! – с гордостью отвечала она, зная о своём прозвище, а этим коротким словом «люблю» обозначая своё непростое отношение к собакам. Да кто бы стал выслушивать рассуждения о том, что её любовь особенная: любовь-сочувствие, любовь-жалость. Как в старину её называли русские люди в деревнях – «жаль», «жалость», а пастушью дудочку – «жалейкой».

*Как остро сердце защемит
От взгляда пёсика бродячего,
Какую же обиду он на нас таит
За лмуку одиночества собачьего!
Ведь без вины – а виноват,
Но всё надеется и ждёт,
Что человек, как старший брат,
Его печаль извечную поймёт.*

А в нынешние 2000-е стало ещё хуже. Лет двадцать назад и раньше помойки были полны объедков, а теперь нет почти ничего. «Эх, экономней стали люди! Ел на помойке, как на блюде», – сказал бы иной пёс, если бы дожил до нынешнего времени.

*Да, слишком короток собачий век
В крутой борьбе за выживание,
Но равнодушно отвернётся человек,
Неведомо к такому сострадание.*

Варвара-то Васильевна, несмотря на материальные трудности, с каждой пенсии покупала своей и бездомным собакам косточки и даже рагу. Все знали: значит, у Васильевны – пенсия.

Много горестных собачьих судеб помнила Варвара Васильевна за многие годы. Из тех обитателей двора, которые избрали его постоянным местом жительства. Постоянным-то условно, потому что самое долгое проживание месяца два-три, и то летом. Ну вот эта милая троица: две сестрёнки, родившиеся за домом, у гаражей, и их приятель, охранявший их и ревновавший к другим собакам... Их подкармливали многие, и они издалека узнавали своих кормильцев и радостно неслись к ним со всех ног. А погубили их чувство долга и преданность. Возмнив себя охранниками двора, в три голоса облаивали посторонних, особенно раздражая водителей: во дворе – автостоянка, и потому движение интенсивное. Одну застрелили из проезжавшей машины, другую раздавили колёсами. Пёсик продолжал выполнять свой долг в одиночестве, пока не попал под автомобиль. А вот случаев, чтобы кого покусали, не было никогда.

Она жалела всех собак, даже домашних, хотя этих по другой причине. За их рабское, подневольное положение, подавлявшее природные инстинкты. Жалко было соседского шарпея, которому так хотелось кинуться за кошкой, но... «фу!», «нельзя!»... Раньше в их доме домашних собак держали мало: три-четыре

на восемь-то подъездов, и ни одной породистой. Самая большая у неё, потому и называли «дамой с собачкой», по Чехову. А теперь их стало столько, что не сосчитать, да все элитных пород. Хозяева гордо вышагивали, держа их на поводке. Собачьи морды в шикарных ошейниках выглядывали из дорожных автомобилей, заполонивших двор. А как же, престиж и явное свидетельство благосостояния! Да и воры уж не сунутся. Мало, должно быть, дверей-то металлических с домофонами, которые делали дом похожим на тюрьму.

*И я ему совсем не рада,
Глаза не видели б его,
Как у тюремного фасада,
У дома стоя своего.*

Больше всего огорчало, что в подъезды не могли теперь попасть и бездомные собаки, которые раньше, открыв лапой хлипкие дощатые двери, находили там ночлег.

Симпатии и антипатии к людям у неё зависели от их отношения к собакам. Это мерило душевной доброты.

Пусть соседка со злобой кричала, что двор превратили в собачник, оказывается, людей, жалеющих собак, было немало. В их доме помещался магазин, поэтому собак всегда много, и ожидания их чаще всего не были напрасными. А собак бездомных Варвара Васильевна не только жалела, но и уважала за их жизнестойкость, за качества, позволяющие хоть как-то выживать в самых неблагоприятных условиях: выносливость, терпение, упорство, наблюдательность и вполне оправданную и необходимую осторожность.

*Попробуй протянуть кусок –
Но отбежит, хвостом не завяляет,
Коварства, видно, подучил урок,
Издалека с опаской наблюдает.*

Недоверчивость к незнакомцу, пронизательность, умение распознать лицемерие не раз спасали от беды. Разве это не свидетельство сообразительности? Нет, с наукой не поспоришь: мышление и речь свойственны только одному существу на земле – человеку. Но ведь и собаки намерения и поступки людей понимают! Как-то она повстречала на соседней улице грязнущего пса и, показав пустые руки, сказала:

– Видишь, у меня ничего нет. А если пойдёшь со мной, покормлю.

Он за ней не пошёл, а когда вошла в свой двор, сидел и смотрел на неё. А поев... улыбнулся! Такое видела впервые. Мистика? С тех пор, вглядываясь в собачьи морды, не раз убеждалась, что это самая настоящая реальность. Увы, не так уж много у этих бедолаг причин для улыбок, и она помнила их все. И была глубоко убеждена в их высоких душевных ка-

чествах, каких не у всех людей сыщешь. О собачьей-то бескорыстной преданности и верности, самоотверженности вплоть до героизма широко известно и вошло в поговорку, в умении быть благодарными за добро она не раз убеждалась сама. Оказывается, они ещё обладают чувством красоты и способностью к настоящему высокому чувству любви!

Давно это было. В одном из подъездов соседнего дома нашёл себе пристанище дворовый пёс Черныш. Маленький, неказистый, с обрывком хвоста и чёрный с ног до головы. Ну как же не Черныш! Недоверчивый и гордый, с рук ни у кого не брал, и подружиться с ним ей никак не удавалось. До тех пор, пока не влюбился в её красавицу Джинку, в несколько раз крупнее него. Её привезли из горношорского посёлка, где не очень-то и обращали внимание на собак. Жили они круглый год на улице, часто без будки, стали на снегу, поэтому обрастали густой и длинной шерстью. Многие очень красивы. И у Джинки серая шерсть свисала на животе почти до земли, а хвост, чёрный на конце, очень похож на лисий. Чёрные уши и нос. Большие карие глаза, а чёрные брови, когда она на вас смотрела, по очереди поднимала то вверх, то вниз, как будто внимательно слушала. Никто не знал её возраста, но явно не щенок. Имени не имела тоже, и Варвара Васильевна назвала Джинной, Джинкой в честь известной тогда итальянской киноактрисы Джинны Лоллобриджида. Ну как в такую не влюбиться? Увидел её Черныш – и пропал!

Вот только большая трусиха. Непривычная к многолюдью и городскому транспорту, поджимала от страха хвост и не хотела отходить от своего подъезда. Без поводка гулять невозможно: тотчас убегает домой. Никто никогда не слышал её голоса, даже те, кто звонил в их дверь.

Черныш выслеживал свою пассию, чтобы сопровождать её на прогулках. Она не обращала на него внимания, а он хлопотливо бегал вокруг, облизывая всех встреченных собак.

– Хорош у тебя зятёк. Васильевна! – улыбались знакомые.

– Да уж, хорош рыцарь! Ревнивый только очень!

Самый смешной случай произошёл, когда повстречался «кавказец», громадная, похожая на медведя кавказская овчарка мужского пола. Черныш рассвирепел до того, что с лаем бегал не только вокруг, а несколько раз отважно пролез прямо под его брюхом. И успокоился только тогда, когда ненавистный соперник удалился на значительное расстояние. Тут-то он и ощерил зубы в торжествующей улыбке! В первый раз, но, как потом выяснилось, не в последний... Теперь Черныш стал ночевать на половичке у их двери, пока сосед не выкинул его пинками из подъезда. Варвара Васильевна даже поругалась с ним из-за этого. Тогда она стала находить у своей двери грязные, замываемые кости явно с помойки, истинно рыцарский дар своей возлюбленной!

А из-за Джинкиной трусости чуть не случилась трагедия. Варвара Васильевна поехала вместе с ней

на трамвае в гости к подруге. Черныш, конечно, увязался за ними. Когда вышли на остановке, она сама допустила ошибку: отпустила Джинку с поводка. Куда-де убежит, дом свой далеко! А Джинка спряталась под вагон... Хорошо, что трамвай ещё не тронулся, и Вера Васильевна в панике закричала, чтобы подождали, и волоком вытащила упирающуюся собаку. Черныш в это время носился и отчаянно лаял. В гостях пробыли довольно долго, но Черныш, разумеется, ждал у подъезда. А на обратном пути – новая беда. Черныш не смог со своими короткими лапками по высокой трамвайной лесенке заскочить в вагон и остался. Варвара Васильевна грустно смотрела в дальнее окно на одинокий чёрный комочек на пустынной остановке. С тревогой ждала до вечера. И вот он, прихрамывая, идёт по двору. Слава богу!

Преданность Черныша доходила до того, что он сопровождал Джинкину хозяйку, даже если она была одна.

Приходилось осторожно осматривать двор и быстренько забегать за угол. Но убежать от него удавалось редко.

Как она ни махала руками, ни гнала от себя, не отставал всё равно. Заходила нарочно по пути в магазины, в какие-то учреждения... Ждал! А однажды увязался в поликлинику. Ехать туда на трамвае с пересадкой: одну остановку по улице Гагарина и две по Институтской. Ведь умудрился же вместе с ней доехать до поликлиники! Тут уж она решительно закрыла перед ним дверь и поднялась на второй этаж. А снизу послышался какой-то шум, и пришедшая оттуда женщина рассказала, что чёрный пёсик прямо-таки прорывался в дверь, еле прогнали. К своему хозяину, наверное

- Да вот он, прорвался всё-таки!

Черныш быстренько спрятался под стул, на котором сидела Варвара Васильевна, и ждал, когда она выйдет от врача. И что удивительно: в кабинет и не пытался проникнуть! Но на обратном пути опять не смог попасть в трамвай и остался. Варвара Васильевна довольно долго с надеждой ждала его на пересадке. Всё же две, а не пять остановок, как в прошлый раз. Прибежал! И от удовольствия улыбнулся, увидев её. Умница! Оставшуюся одну остановку до дома они прошли вместе пешком.

В сентябре Черныша почему-то не видно было три дня, и Варвара Васильевна забеспокоилась. Расспросила жителей того подъезда в соседнем доме, где у него было пристанище. И одна из женщин призналась, что взяла его с собой на копку картошки за город, а обратно привезти забыла. Так и сгинул маленький Ромео со своей большой любовью.

А Джинка прожила у неё почти пятнадцать лет. Когда у неё отнялись ноги, гулять уже не выходили, и она ползала по квартире. Приходилось её обмывать и подтирать пол, хорошо, что везде был линолеум. Искупать в ванне невозможно: слишком тяжела. Так продолжалось с ноября до июля следующего

года. Все советовали её усыпить: и сама, дескать, мучаешься, и она тоже. Но решилась только третьего июля, потому что четвёртого предстояло лечь в больницу. Наняла соседа с машиной. Он всё и сделал: и в ветеринарную поликлинику отвёз, и похоронил за городом. Пока он рыл яму, Джинка лежала с такой удовлетворённой улыбкой, что Варвара Васильевна не осмелилась громко плакать, только слёзы текли по лицу.

Решила больше не заводить собаку: слишком тяжело расставание. Но через год не выдержала и взяла месячного щенка пинчера: такой у него был грустный вид. Эта Ночка и живёт у неё уже седьмой год. И опять любовь! Влюбился в Ночку бездомный пёс, во много раз крупнее этой пигалицы. Смешно смотреть на эту пару, когда он сопровождал её на прогулке: длинноногий светло-серый красавец и чёрненькая с рыжими подпалинами маленькая собачонка, съёжившаяся от страха. Любовь, что ли, слепая? Молодой, горячий, вслед за ней врывается в подъезд, не обращая внимания ни на какие препятствия. А Варвара Васильевна опасалась его напрасно: он только бережно обнюхивал свою возлюбленную, не причиняя никакого вреда. Прелестный был пёс. И улыбочивый! Это о нём:

*В глаза заглянет незнакомцу –
И тотчас распознает доброту,
Как другу, улыбнётся солнцу,
И как приятелю, знакомому кому.*

Но любовная история продолжалась недолго. Поклонник недели через две куда-то пропал, скорее всего, не по своей воле: собачий век, как известно, недолог.

Да, Варвара Васильевна по праву слыла истинной любительницей бездомных собак. Хотя это не точно выражало её чувства к этим обездоленным существам, незаслуженно забытым своим «старшим братом» – человеком. Горько сожалела, что всех приютить не в силах. Вот беда! И конфузилась от стыда, заглядывая в глаза какого-нибудь бобика.

*Зовущий взгляд тревожит и томит,
И молит о простом великодушии,
Смиренно, горестно корит
Вполне заслуженно в бездушии.*

А ведь люди могли бы многому поучиться у собак, в том числе их искренней доброй улыбке. И что бы ни говорили, она могла бы поклясться, что собаки улыбаться умеют!

*А всё же улыбаются собаки!
Ты только повнимательней взгляни,
Суровые бойцы и озорные забияки,
Как славно улыбаются они!*